

А. А. ЗАБИЯКО
профессор кафедры литературы
и мировой художественной культуры АмГУ

ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ ВЛАДИСЛАВА ЛЕЦИКА

«Лецик? Да я его знаю – это автор “Пары лапчатых унтов”. Повесть такая была, в журнале “Дальний Восток” публиковали»

(Из беседы с эвенком Сергеем Савельевичем Никифоровым, 1969 г. р., главой администрации п. Ульген, Амурская обл., 2010 г.)

*Придержав осторожных оленей,
Изумлённо застыли эвенки.
Опустив берданку к коленке,
Вдруг один из них выдохнул:
«Ленин!..»*

<...>

*Эти пастыри чутких олешек
Лишь две буквы не угадали:
То не Ленин был, то был
Лецик,
Отличаясь слегка в деталях...*

(Н. Левченко, «Владиславу Лецику»)

Художественная этнография – понятие не строгое, литературоведческой наукой не узаконенное. Оно определяет личный опыт писателя, вступившего в общение с инокультурой и пытающегося осознать плоды этого взаимодействия сквозь призму своего мировидения. Не последнюю роль здесь играет масштаб личности автора, его этнические установки и комплексы, глубина постижения своей культуры, степень открытости культуре чужой, предшествующий индивидуальный опыт межэтнических контактов.

В нашем исследовании под *художественной этнографией* понимается результат *художественного освоения* культурных,

религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представительей определённого этноса, населяющих определённые географические пространства.

Безусловно, художественная этнография генетически восходит к *этнографии научной*. Особым образом писатель сближается с исследователем-этнографом (и тот, и другой наблюдают, сравнивают, обобщают). Однако там, где учёный опирается на точность научных сведений и их же кладёт во главу угла своих умопостроений, художник движим силами эмоций, ассоциаций и образного мышления (например, Майн Рид, Фенимор Купер, Джек Лондон).

Бывает, и учёный (в душе – поэт) проникается художественным соблазном, позволяя себе философские рассуждения и лирические отступления, навеянные объектом исследования, но этот «пиитический посыл» лишь определяет индивидуальные особенности научного стиля, становясь особенно «выпуклым» лишь в специфических жанровых образованиях, (например, «рассказы археолога» А. П. Деревянко¹, «рассказы об охоте за наскальными рисунками» А. П. Окладникова² и др.).

Наиболее сложным представляется феномен научно-художественного синтеза, как это, например, происходит в творчестве В. К. Арсеньева и Н. А. Байкова³. Однако, на мой взгляд, тем и отличаются их тексты, посвящённые одной теме – дальневосточной тайге и её обитателям. Работая в одно и то же время (10–20-е гг. XX века), практически в одних простран-

¹ *Деревянко А. П.* Ожившие древности: Рассказы археолога. – М.: Молодая гвардия, 1986. 240 с.

² *Окладников А. П.* Олень золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Открытие Сибири. Главы из книги. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1989. 208 с.

³ *Неживая Е. А.* Художественный мир произведений Н. А. Байкова // Записки Гродековского музея. Литература и проблемы современного русского языка. Вып. 17. – Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова. 2007. С. 74–86; *Рехо К.* Байков // Литература русского зарубежья (1917–1940): Материалы и библиографии / Отв. ред. К. Д. Муратова. – СПб.: Наука, 1993. С. 270–297.

ственных координатах (Арсеньев – в уссурийской тайге, Байков – в маньчжурской), они наблюдали жизнь китайцев, корейцев, удэгейцев, тунгусов, к научному багажу присовокупляя таёжные приметы и поверья. При этом пути творческого становления учёные-натуралисты прокладывали разными тропами. Несмотря на «вполне художественный» стиль своих работ⁴, Арсеньев остался на позициях путешественника-этнографа, Байков же всё более углубился в «дебри Маньчжурии» с художественной стороны⁵. Впоследствии он заимствовал у Арсеньева целые текстовые фрагменты, связанные с таёжной мифологией (образами тигра, женьшеня, святых мест, хунхузов), но это трудно считать плагиатом: Байков отталкивается от них ради художественной фабулы. Достаточно, например, сравнить рассказы Арсеньева «Искатели женьшеня в Уссурийском крае» и рассказы Байкова «Дань Великому Вану», «У костра», «Хунхузы», цикл «В делях Маньчжурии»⁶.

Пространство этнографических наблюдений открывает писателю неизведанные пути и перепутья, предоставляя широкий жанрово-тематический и стилевой простор. Развитие *этнографической прозы*⁷ предполагает множество развилок и самостоятельно проторенных авторами троп. Так, наследующие

⁴ Егорчев И. Рукописи не горят. Они издаются... (предисловие к: Арсеньев В. Искатели женьшеня в Уссурийском крае) // Рубеж. Тихоокеанский альманах. № 8/870. 2008. С. 338.

⁵ Об этом, например: Плотина Н. Н. Образы «иноплеменников» в творчестве русских писателей-путешественников (Дерсу Узала В. К. Арсеньева и Тун Ли Н. А. Байкова) // А. П. Чехов и его традиции в русской литературе. Вып. 3. 2006. С. 318–324; Забияко А. А. «Фронтальная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. С. 119–140.

⁶ Об этом, например: Забияко А. А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблемы аутентичности текстов писателей первой половины XX в.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 5. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2011. С. 56–78.

⁷ Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тенденции, типология. – М., 2002. С. 190.

опыт знаменитых натуралистов-дальневосточников писатели ещё более разошлись в своём индивидуальном художественно-исследовательском опыте. Михаил Пришвин, спустя десятилетие попавший на Дальний Восток и вобравший арсеньевский и байковский опыт осмысления фронтальной реальности (о чём свидетельствуют напрямую его дневниковые записи)⁸, создаёт уже сугубо художественное, лирико-философское повествование «Женьшень». И уж никак не определишь по ведомству сугубо «этнографической прозы» рассказы Михаила Щербакова⁹, а вот о художественной этнографии его сборника «Корень жизни» предстоит ещё говорить долго и плодотворно.

Такой вариант развития художественной этнографии ориентирован на *беллетризацию* – вплетение этнографического материала в занимательный сюжет, его разнообразное жанрово-стилистическое обрамление. В данном случае этнографический материал становится отправной точкой для развития динамично выстроенной фабулы, а мельчайшие этнокультурные детали, языковые реалии, мифологические нарративы формируют особую стилистическую манеру, резко выделяющую автора из череды ему подобных. В зарубежной литературе «беллетризованную этнографию» представляют произведения М. Рида, Ф. Купера, Дж. Лондона и др. Не случайно именно реальность американского фронта породила такое многообразие имён и художественных решений. Первозданная природа Дикого Запада, самобытные культурные традиции коренного населения американского континента, суровые для европейских новопоселенцев условия выживания и появление в такой ситуации личностей ярких, неоднозначных будоражили писательское воображение, были востребованы читателем.

Литературным Клондайком для отечественных писателей стал на рубеже XIX–XX Дальний Восток – земля ещё «незнаемая», но искушающая своими богатствами и экзотикой. Дальневосточные земли уже почти два столетия служат богатейшим

⁸ См.: Пришвин М. И. Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.) // Рубеж. Тихоокеанский альманах. № 6 (686). 2006. С. 201–281.

⁹ Щербаков М. В. Корень жизни: Сборник рассказов. – Шанхай, 1943. 286 с.

источником, в котором учёные находят благодатный материал для изучения, а художники слова черпают вдохновение. Многочисленные народы, с древнейших времён пересекающиеся на просторах Дальнего Востока, создают любопытнейший этнокультурный, этнопсихологический и этнорелигиозный портрет региона¹⁰. Отдельной темой представляется процесс взаимодействия пришлых этносов (китайцев, русских, украинцев и т. д.) с коренными народами дальневосточного фронта и народами приграничных государств в его исторической перспективе¹¹. Огромный вклад в расширение горизонтов региональной литературы в XX веке внесли П. В. Шкуркин («Китайские легенды», «Хунхузы», «Игроки»), В. К. Арсеньев («По Уссурийскому краю. Дерсу Узала»), Н. А. Байков («Великий Ван»), Гр. А. Федосеев («Тропюю испытаний», «Смерть меня подождёт», «Злой дух Ямбуя»)¹² и др. Эти писатели, движимые научным интересом, бок о бок проживали с представителями коренных народов

¹⁰ Об этом, например: *Аргудяева Ю. В.* В. К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева: материалы, комментарии. – Владивосток: ДВО РАН, 2007. 272 с.; *Аниховский С. Э.* Изучение этнических и религиозных традиций китайского населения Дальнего Востока России русскими исследователями в 50–60 гг. XIX в. // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции.* Вып. 9. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. С. 11–24; *Кобызов Р. А.* Китайцы на Дальнем Востоке России: Этносоциальный портрет (вторая половина XIX – начало XX века) // *Забяко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 36–43.

¹¹ Об этом, например: *Забяко А. П.* Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. // *Забяко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 10–24.

¹² *Шкуркин П. В.* Китайские легенды. – Харбин, 1921; его же. Хунхузы. Этнографические рассказы // *Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. – Пекин, 2005. Т. 3; Арсеньев В. К.* По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь. – Владивосток, 1921; *Байков Н. А.* Великий Ван. – Харбин, 1936; *Федосеев Гр. А.* Тропюю испытаний. Повесть. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1965. 430 с.; *Его же.* Смерть меня подождёт. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1967. 504 с.

Дальнего Востока, делили с ними трудности и опасности таёжной жизни, вписывая себя в их культурную парадигму.

60-е годы прошлого столетия знаменовали приход в отечественную науку целого ряда учёных-историков и археологов, открывших связь культуры коренного населения Амурской области с древнейшими культурами Приамурья (А. П. Деревянко, А. И. Мазин, Б. С. Сапунов). Плеяда талантливых выпускников историко-филологического факультета БГПИ, снискавшая славу отечественной науке уже в академических кругах, на долгие годы стала ориентиром для многих амурчан.

Любопытно, что исследовательский посыл устремлений известных дальневосточных учёных (как следует из воспоминаний самих В. К. Арсеньева, Н. А. Байкова, устных реплик А. П. Деревянко¹³), в частности, был сформирован и под воздействием детских впечатлений от прочитанных книг Майна Рида, Фенимора Купера (а А. П. Деревянко, в свою очередь, упоминает и «Дерсу Узала» Арсеньева).

Жизнь идёт, одни поколения сменяются другими, развивается не только наука, техника, но и художественное сознание писателей. Данная работа не претендует на исчерпывающую и всеохватную характеристику художественной этнографии в последнем варианте. Думаю, что некоторые аспекты, касающиеся специфики изучаемого предмета, наиболее рельефно проявляются как раз в узком локусе исследовательского пространства.

Конкретным героем данной работы, как следует из названия, выступает Владислав Григорьевич Лецик – поэт, прозаик, редактор¹⁴. Личность незаурядная не только в пределах Амур-

¹³ В частной беседе с автором статьи Анатолий Пантелеевич Деревянко с воодушевлением вспоминал о том, как благодаря матери своего школьного друга И. Д. Игнатенко (председателя Амурского отделения Союза писателей России), работавшей в книжном магазине, имел возможность читать приключенческую литературу – настоящий дефицит для тех лет – и как эти книги в юношеские годы помогли развить исследовательский интерес к истории разных народов // Благовещенск. Май, 2011 г. Личный архив А. А. Забияко.

¹⁴ О поэтическом мире Вл. Г. Лецика см., например: *Забияко А. А. Лирический герой Владислава Лецика: Homo legens – homo ludens* // Лосевские чтения – 2010: Материалы региональной научно-практической конференции. – Благо-

ской области, но и в контексте всей отечественной литературы второй половины XX века. Сразу оговоримся – «никаким этнографом» себя Лецик не считает¹⁵. При этом, с точки зрения антропологической, социокультурной и этнопсихологической, сам является любопытный объект для этнографического исследования – как представитель дальневосточного фронта в его «интеллигентном изводе»¹⁶.

Лецик – потомок третьей волны мигрантов, перебравшихся на Дальний Восток из Украины и средней полосы России. Детство и юность будущего писателя прошли в Завитинске: «Уклад жизни был полудеревенский. Мы держали корову, свинью, кур, уток, был и огород. Чистить стайку я научился рано. И корову доить приходилось»¹⁷.

Свою фамилию Лецик выводит из польских корней, про отца же пишет, что «изрядно подзабыв к концу жизни родной украинский, он так и не научился правильно говорить по-русски»¹⁸. Мать писателя была русской, из Елабуги, детство провела вместе с татарчатами, оттого до конца жизни знала татарский язык¹⁹. Очевидно, от родителей маленький Лецик унаследовал не только особое лингвистическое чутьё, любовь к языковой игре, но и открытость чужой культуре. В юности Лецик бывал в родных для отца украинских местах – захватил, можно сказать, остатки уходящей в прошлое народной культуры (например, «гуляние по случаю яблочного Спаса»).

С детства он очень много читал. Очевидно, на филологическое отделение педагогического института пошёл по той са-

вещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 97–119; *Забяко А. А., Трошина В.* Версификационные координаты художественного мира Владислава Лецика // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Благовещенск, 2011. № 3. С. 76–80.

¹⁵ *Лецик В. Г.* Интервью А. А. Забяко. Июнь, 2011 г. // Личный архив А. А. Забяко.

¹⁶ Об особенностях русского сознания в данном аспекте: *Забяко А. П.* Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. Указ. соч. С. 10–24.

¹⁷ *Лецик Вл. Г.* Автобиография. Рукопись // Личный архив В. Г. Лецика.

¹⁸ *Лецик Вл. Г.* Автобиография.

¹⁹ Там же.

мой причине, что «любил книжки читать» (типичный ответ многих мальчиков-филологов). Комментируя студентам строки стихотворения «Археология»:

И паровоз, гудящий неизменно
На станции родимой Завитой,
И чудо величайшее Вселенной –
Соседской Лорки локон золотой!

Подходит ночь, дремотой веки тронув.
Бреду в постель, чтоб вновь её спасти
От кровожадных сиу и гуронов...
«Сынуля! Ноги вымыл?» – спросит мать...

– он лукаво, но по-доброму спрашивает – знают ли они, кто такие *сиу* и *гуроны*? Не к чести сегодняшнего студияозуса, многие – не знают. А Лецик (не вдаваясь далее в аналогии «своей Лорки» и петрарковской Лауры) не упускает случая сказать о том, что нет ничего лучше книги, что свои первоначальные знания о народах и странах (основа любой этнографии) он почерпнул из книг уже упомянутых Ф. Купера и М. Рида.

Одно дело – саморефлексия юности, другое – зов дарования. Они порою связаны столь тесно, что только спустя годы понимаешь, что это – судьба. После окончания педагогического института, завершившего «первый этап» творческого развития поэта, Лецик выбирает журналистскую стезю. А потом (на сердечной почве, как признаётся сам), начинается его «охотничья опушка»²⁰.

В 70-е годы прошлого века молодой Лецик четыре года проводит на севере Амурской области. Сам писатель вспоминает: «Район я сам выбрал – за *таёжную экзотику*. Осенью того же года меня забрали в армию, в зенитно-ракетный дивизион ПВО, а через год, уволившись в запас, я вернулся в Экимчан. Два с половиной года ездил по всему району, писал о золотодо-

²⁰ Лецик Вл. Г. Интервью А. А. Забияко. Март 2011 г. // Личный архив А. А. Забияко.

бытчиках, шофёрах, геологах, охотниках. Но *литературой не занимался вовсе.*

Весной 1971 года поступил штатным охотником в Селемджинский зверопромхоз. Правда, приняли меня с условием, что я в течение лета обучусь бондарному делу, поскольку промхоз заготавливал, кроме пушнины и мяса, также грибы и ягоду, а бондарей для ремонта бочкотары не хватало [сметливый начальник понимает, что жаждущий охотиться молодой энтузиаст может помочь закрыть ему план по обучению специалистов бондарному делу. Если откажется, то грозит тому только ставка помощника охотника. А это, как говорит сегодня В. Г., «ба-а-альшая разница». – А. З.]. Пришлось обучиться. И вот три года – каждый год с октября по март – я жил в тайге, ловил соболей. А летом, в посёлке, ремонтировал бочки, а также делал из жести печки для охотничьих избушек и палаток (наверно, мой дед, жестянщик Игнатий Пупышев, был доволен мною на том свете). Первый год я охотился с эвенком Иваном Соловьёвым, светлая ему память, он с самых азов меня терпеливо учил и охоте, и обращению с оленями, на которых мы кочевали по тайге. Второй год охотился самостоятельно, жил всю зиму один как перст в рваной палатке среди глухой тайги. А на третьем году моим напарником стал русский – Юрий Титов, родом сибиряк, выросший в тайге да к тому же имевший диплом охотоведа. Он впоследствии трагически погиб – утонул в бурной Селемдже, когда они с братом Сергеем отправлялись на очередной сезон. *Эти люди дали мне больше, чем может дать любой институт»*²¹ [курсив мой. – А. З.].

Юный ироничный романтик попадает из областного центра в среду, разительно отличающуюся по своим этническим, социальным и ментальным координатам. Север Амурской области – места компактного проживания коренного населения нашего региона – эвенков, бок о бок соседствующих с русскими и якутами. Генезис последних всегда протекал в сближении с тунгусо-маньчжурским населением Дальнего Востока. Культурная открытость, присущая, очевидно, от рождения Лецику и

²¹ *Лецик Вл. Г. Автобиография.*

укрепившаяся благодаря семейному воспитанию и филологическому образованию, позволила ему воспринять новые реалии весьма творчески.

Но начнём по порядку. Зима 1972–73 гг. – второй год охоты Лецика. Эвенк Захар, сосед по участку кочёвки – его «таёжный учитель»²². По личным причинам охотник Лецик плохо подготовился к сезону и вынужден был жить в рваной палатке. Захар собрался в посёлок, Лецик дал ему «задание» – выручить деньги и за его добычу (несколько шкурок соболей). Эвенк уезжает, а с ним жена-якутка, дети и свекровь. Будущий писатель на короткое время обретает отличную «зимовьюху» и – одиночество для творчества. Он вспоминает: «В январе 1973 года, в таёжном зимовье, когда соболь не шёл в ловушки по причине диких морозов, и у меня образовалось свободное время, я написал свои первые рассказы. Один, "Билеты по дешёвке", – по воспоминаниям детства – о самодеятельном кукольном театре. Другой — "Грустный реванш профессора Пирата" – об Иване Соловьёве и двух его охотничьих собаках. Рассказы эти весной того же года были напечатаны в районной газете "Горняк Севера" с моими собственными рисунками»²³.

А потом, чуть позже, появляются его эвенкийские зарисовки. Сам писатель однозначно различает свою художественную прозу и эти миниатюры, впервые увидевшие свет в районной газете «Горняк Севера». С авторской волей не поспоришь, однако мы будем руководствоваться принципами единства художественного мира писателя, в котором всё, им созданное, представляет единый текст – стихи и проза, автобиографические записи и письма, дневники и пометы на полях прочитанных книг. Журналистские заметки Лецика в этом отношении как нельзя лучше вписываются в лабораторию его художественной этнографии – и стилистически, и тематически. Сегодня, он,

²² *Лецик Вл. Г.* Интервью А. А. Забияко. Апрель 2011 г. // Личный архив А. А. Забияко.

²³ *Лецик Вл. Г.* Автобиография.

правда, жалеет: «Сколько было интересных наблюдений, замечаний и записок. Знал бы, старательно всё записывал!»²⁴.

Обратимся к этим ранним, по определению автора, «таёжным картинкам», занимающим по половине газетной полосы. Для простой зарисовки в них всего слишком много: образы выпуклы и индивидуализированы; повествующий субъект – деятельный участник ситуации; его точка зрения творчески коррелирует с точкой зрения представителя иного этноса. Этнографические сведения в этих заметках сконцентрированы на самом насущном для эвенков: мифологической картине мира, языке, обычаях и этике. Несмотря на малость формы, перед нами не журналистские эссе, а именно миниатюры, филигранные «картинки с натуры»²⁵.

Возьмём, к примеру, миниатюры «Хозяйственный Ваня и Таня-"кутурук"»²⁶. Её герои – эвенкийские ребяташки, Ваня и Таня, дети Захара – соседа по участку, «но не того Захара, который меня поразил» (и стал героем «Пары лапчатых унтов». – А. З.). Начало «картинки» сразу погружает читателя в этнокультурные и этнолингвистические реалии жизни древнего кочевого народа в их соотнесённости с представлениями носителя современной (советской) культуры. «Детский ракурс» становится

²⁴ Лецик Вл. Г. Интервью А. А. Забияко. Апрель 2011 г. // Личный архив А. А. Забияко.

²⁵ В данном случае мы делаем акцент на *миниатюре* как *жанре*, по своему названию и характеристикам восходящему к живописной миниатюре. Для него характерны «тонкость рисунка, тщательность отделки и небольшой размер» (Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.). Миниатюры такого рода особенно присущи национальным специфическим жанрам: нэцкэ, лубку, китайским картинам няньхуа. Однако необходимо подчеркнуть, что в *художественных миниатюрах* Лецика достаточно ярко проявился и его лирический талант, обнаруживаемый в особенном графическом членении текста, его ритмизации, звукописи и возникновении спонтанной метризации. Это, в свою очередь, соответствует литературоведческому осмыслению жанра миниатюры (Дынин В. Миниатюра // Краткая литературная энциклопедия: В 10 т. / Под ред. А. А. Суркова. Т. 5. – М.: Просвещение, 1962. С. 241).

²⁶ Лецик Вл. Хозяйственный Ваня и Таня-кутурук (таёжные картинки) // Амурская правда. 1979. 18 марта.

наиболее действенным способом запечатления эвенкийской культуры в её непосредственном бытовании: «Иванчик любит вырезать из бумаги оленей. *Целое бумажное стадо разбросано по нашему зимовью*, а ему всё мало. Вернёшься вечером с охотничьего путика, не успеешь и чаю толком попить – а он тут как тут, с ножницами:

– Ну вы-вырежь оленя!

– Не умею.

– Ну, тогда нарисуй!

Я стал рисовать оленя, но получилась лошадь с рогами. Поразмыслив, я зачеркнул рога и на оставшуюся лошадь посадил кавалериста.

– А что у него в руках? Таняк? *Таняк – палка, которой погоняют оленя*. Я буркнул:

– Сабля это, – и нарисовал убегающего белогвардейца, который в панике бросил наземь свою винтовку. Это обстоятельство ошеломило Иванчика. Он долго смотрел на рисунок и прерывительно сказал:

– Ружьё бросил. Тоже мне охотник!

Шестилетний Ваня ещё не успел узнать, кто такие были белогвардейцы, зато знает, что *охотнику не годится быть трусливым*.

Хвастливым – тоже» [курсив мой. – А. З.].

Читатель *газеты* в непосредственной форме узнаёт о том, что олень – в центре картины мира эвенков: «*орон ачин, эвенк ачин*» («нет оленя, нет эвенка»), – гласит эвенкийская пословица. «Оленная философия» пронизывает все стороны жизни малышей-эвенков: через этот образ они постигают основы народной этики и эстетики, обретают необходимые бытовые познания и проходят ступени охотничьей инициации. Белый олень в религиозных представлениях эвенков – священное животное, приносит удачу стаду и семье. Потому, наверное, вырезание оленей из белой бумаги – весьма распространённое и доньше любимое занятие эвенкийской детворы – очевидно, оно в редуцированной форме отражает обряд «синкилау» (добывание «охотничьей

удачи)»²⁷. Умение ухаживать за оленями с детства – залог этой самой «охотничьей удачи»: «Попозже Иванчик выйдет из избушки и слушает. Звон колокольчиков еле доносится из темноты, похожий на отдалённый смех, на безумное бормотание... Но Ванино ухо улавливает: это – колокольчик Кочерги, а это – верхового по кличке Экимчан...»

Даже ласковое именование ребёнка в эвенкийской семье навеяно образом оленя. Это отражено уже в самом названии: «Таня-кутурук». Оттого, что малышка везде плетётся за своим «хозяйственным» братом, *«так её и прозвали – "кутурук", хвостик»*. Каждодневные бытовые подробности детского быта неотделимы от этнографических сведений: «Её садят на большого светло-серого оленя, в седло, покрытое по деревянной луке узорной резьбой. Седло старинное, в нём ездил мальчиком ещё Танин дед». Лецик сумел запечатлеть быт эвенкийских детей, кочующих вместе с родителями – сегодня это уже не столь частое явление. Так, до последних лет у эвенков существовали три вида сёдел: мужское, женское, детское. Детское верховое седло имело название *эмкору* (*«Спереди подвязывают подушку, сзади подушку, по бокам – дощечки, чтобы не упасть»*). – В. Г. Лецик).

Маленький эвенк-кочевник много взрослее своего русского сверстника: «За день Ваня успеваешь натаскать помаленьку дров, покормить собак, исполнить тысячу мелких поручений. Он помогает мять и выколачивать пушнину и обижается, если ему не достанется соболя шкурка для обработки. Однажды он взял узкий, бриткий отцов нож и самостоятельно, по всем правилам, снял камус с ноги убитого дикого оленя...! [Камус – нижняя часть, «сапожок» с ноги оленя. – А. З.] Шкурки с соболей и белок он ещё ни разу не снимал, но наблюдал, запоминал, как это делается, и укажет на малейшую вашу оплошность:

²⁷ Обрядность «охотничьей удачи» (синкилау [синкилаун]) описана в работах: Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1984. С. 94–99; Мазин А. И., Мазин И. А. Представления эвенков Приамурья об окружающем их мире. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007. С. 39–71.

– Дефект будет!

Он заметит, что вы неправильно увязали поклажу на нартах. Он пять раз напомним, какой олень сегодня не пришёл к зимовью. Это – не простое надоедание: плохо увязанная кладь может в дороге потеряться, а олень, которого нет уже вторые сутки, уйдёт далеко, и тогда ищи его...» Для эвенкийского ребёнка 70-х годов очевидна непреложная истина охотника, усвоенная от родителей: «*На нарах валяться – зачем тогда в тайгу ходить?*» «Эту житейскую философию сын усвоил, и другая ему неведома».

Описание хозяйственного Вани строится в интонациях эпических, стиль писателя становится высоким, синтаксис – инверсированным, основанным на параллелизме: «Лёгкой славой его не обманешь. Сын эвенка, сын охотника хорошо представляет себе, что охота – штука сложная. Уже два года кочует он с родителями по охотничьим угольям отца.

Сколько их у него уже было, этих перекочёвок!.. Если зима, Ваня едет в нартах, сидя в шубе, как в тёплой будке. А летом все едут верхом, и Ваня тоже. Сидит в седле, как настоящий охотник». Повествующий субъект охотничьих миниатюр Лецика сознательно наделяется профанными чертами чужака-недотёпы: «В хозяйственные дела Иванчик вникает до мелочей. У него всегда можно получить нужную консультацию. Скажем, по "оленьему вопросу". На ночь оленей отпускают пастись, а чтобы они далеко не ушли, на шею вешают чангай – увесистую палку... И если отпускать оленей приходится мне, я зову на помощь Иванчика.

– Чурап и без чангая не убежит, – наставляет он меня. – Братишка и Большой тоже, они и так за день устают <...> Поймай, – кричит он, – а кунгулян?

Чуть не забыл! Развязываю язычки колокольчиков – "кунгулянов", животные уходят в чашу, звон удаляется».

Этот русский герой, носитель книжной культуры, старается влиться в охотничий быт. Но он – всё же из «другого» мира, потому в таком сложном деле, как поимка оленей (кочевой че-

ловек знает, как тяжело собрать их в одно стадо), маленькая трёхлетняя Таня одерживает над ним верх:

«Луча! – кричит Танюха. Ты сколько оленей поймал?..»

Луча – русский. Это я [«Луча», «лоча» – эвенкийское именование русских, образованное по слуховому восприятию звучания этнонима. – А. З.].

– Двух, – отвечаю.

– А я – вот сколько! – она показывает три пальца и, довольная, ковыляет к Экимчану, который перестаёт жевать жвачку. Он не боится её, только изумлённо тарачит глаза.

Цоп за уздечку!.. Попался, дуралей...»

Очевидно, что введение несобственно-прямой и квазикосвенной речи – игровой приём «двойной адресации» с этнокультурным подтекстом, позволяющий увидеть таёжный мир и глазами ребёнка-эвенка, и глазами русского писателя²⁸.

Быт эвенкийских ребятишек, конечно, не только связан со «взрослыми» заботами. Запечатлённые Лециком сугубо «детские» проявления кочевой жизни тесно сопряжены с лингвокультурной картиной мира коренных народов Амурской области в 70-е годы прошлого века. Эту картину определяют бытовые эвенкизмы [*таняк* (палка), *нарты* (особенные эвенкийские сани для перевозки людей и скарба, запрягаемые в оленей), *кутурук* (хвостик), *кунгулян* (колокольчик), *чангай* (палка для привязывания оленей), *котой* (дочка), *унты* (вид зимней обуви, сшитой из камуса оленя)], особые ономастические формы [Иванчик (Иван), Миша-чан (Михаил), Виталка (Виталий); присущее эвенкам именование взрослых, независимо от возраста, по имени-отчеству – Екатерина Петровна – мать ребятишек, Иван Егорович – отец, оба совсем ещё молодые люди], но и русизмы-технизмы («реактивные самолёты», например). Лецик – очень чуткий к языковым явлениям человек; с добрым юмором он фиксирует процесс усвоения ребёнком непонятных ему

²⁸ Под «двойной адресацией» в данном случае понимается приём, характерный для детской литературы, когда автор не только встаёт на «детскую точку зрения», но и в специфической манере выражает собственное «взрослое» представление о мире.

идиом русского языка: «Зимними вечерами в избышке, когда вся семья в сборе – отец упряжь чинит, мать лепёшки печёт [пресные пшеничные лепёшки в таёжных условиях заменяют эвенкам хлеб. – А. З.], бабушка шьёт унты, бывают минуты сосредоточенной тишины. И тогда Таня вздыхает по-старушечьи:

– Ох, беда, беда!

Нарочно, чтобы все засмеялись. Для этой цели и другие словечки годятся. Например, "ради бога". Что такое "бога" – этого даже Иванчик не знает. "Ради" – тоже непонятно. А вот "радио" – это понятно, это значит "Спидола". И Таня кричит:

– Не мешайте вы мне, радио бога!»

Очевидно, что абсолютно спонтанно автор запечатлел любопытное явление консервативности языка: 70-е годы, советское время, торжество атеистического сознания. И при этом – совершенно расхожая бытовая приговорка, не подчиняющаяся идеологическим требованиям: «Ради бога!»

Обращая внимание на лингвокультурные реалии жизни эвенков, постепенно забывающих родной язык, амурский читатель (читающий «Горняк Севера», а затем и «Амурскую правду», где миниатюра была републикована) не замечает, что Лецик запечатлевает и характерный говор русских амурчан, присутствующие их разговорной речи выражения («чаю толком попить»), а также – универсальный язык таёжных людей, жизнью которых он жил эти годы («дефект будет» «кулёмка», «почин сделал», «подпушка», «бриткий нож»).

Итак, скрепы художественной этнографии амурского писателя закладывались на стыке читательского опыта выпускника-филолога, личного интереса к дальневосточной «экзотике», психологической готовности к восприятию и приятию другой культуры, а также веяний времени, обнаружившего вдруг интерес к тому, что в те годы было названо «малой родиной». Уже в «таёжных картинках» Лецика-журналиста проявился тот богатый потенциал его художественной этнографии, что будет явлен в мире его «серьёзных» прозаических произведений.

В 1975 году Лецик вернётся в Благовещенск. Результатом его продолжительного «хождения» в амурские «севера» станут

повесть «Дед Бянкин – частный сыщик» (1974–1975), рассказы «Раз на раз не приходится», «Петух с глушителем» (1979), «Божья роса» и чуть позже написанная повесть «Пара лапчатых унтов» (1982–1984). В 1984 году эти произведения, объединённые названием последней повести, составят художественный сборник.

Сам Лецик так воссоздаёт историю публикации своей первой повести «Дед Бянкин – частный сыщик»: «В течение лета 1975 года писал [...] и одновременно печатал её в своей районке, главу за главой. Повесть была детективной, и мои читатели меня донимали: "Ну скажи – кто золото украл?". Я держался мужественно, не пробалтывался, а когда чувствовал, что читатели вот-вот угадают преступника, вписывал в очередную главу новый сюжетный ход и сбивал читающую публику со следа»²⁹. Относительно предыстории появления «пародии на детектив» добавляет, что начал своё повествование с традиционной детективной завязки – обнаружения двух трупов. Потом понял, что ни о чём таком страшном писать не хочет и не это – главное. Кроме того, изменилась в процессе публикации повести и ещё одна значимая подробность, касающаяся способа кражи золота. В газетной публикации нашёл отражение случай, реально произошедший на золотодобывающем прииске и рассказанный Лецику начальником драги: «Как-то раз драгу остановили и поставили на ремонт. Один внимательный драгер увидел, что в дырочках её щитов застряли довольно крупные самородки. Набрал он их полную жменю, ходит и посмеивается. Увидел это начальник драги – чуть не заработал сердечный приступ. Дело это, слава богу, заактировали и сдали золото. Тогда порядку больше было, да и память о ГУЛАГе ещё жива была»³⁰.

Прочитавший газетный вариант детектива М. Л. Гофман, из опасения Главлита (и кого посерьёзнее), призвал сочинителя изменить описанный способ кражи – слишком уж он был «технологически прозрачен». Что Владислав Григорьевич и сделал,

²⁹ Лецик Вл. Г. Автобиография.

³⁰ Лецик Вл. Г. Интервью А. А. Забияко. Июль 2011 г. // Личный архив А. А. Забияко.

не кривя сильно душой: на его памяти были и такие случаи, когда золото находили на заимках, в сторожках, под половицами в бутылках...³¹

Казалось бы, какое значение имеют эти подробности в контексте *художественной этнографии* писателя? Однако – имеют. Как напишут в одной из рецензий, «все пять вещей объединяются местом действия (таёжный посёлок Балыктак) и кругом персонажей, которые по воле автора переходят из одного сюжета в другой, всякий раз по-новому раскрываясь перед читателем. *Видишь живых людей*, понимаешь, что вот такими и знает их в жизни молодой автор, сумевший не просто "срисовать с натуры" *интересные характеры и обстоятельства*, но создать образы и ситуации художественно обобщённые, запоминающиеся и достоверностью своей, и ярким своеобразием. *В. Лецику удалось создать впечатляющий образ дальневосточного таёжного села*. Эти рассказы и повести представляют собою *вполне законченный литературный цикл*, который я бы так и назвал: "У нас в Балыктаке"³² [курсив мой. – А. З.].

«Живые люди его повествований» – это русские, украинцы, эвенки, якуты, проживающие вместе в таёжном посёлке и делящие общие горести и радости. С одной стороны – все они плоть от плоти авторской фантазии, начиная от названия посёл-

³¹ Там же.

³² *Литвиненко И.* Два ответа на три вопроса: о творчестве В. Лецика // Молодой дальневосточник. 1983. 12 февраля.

ка³³ до тех нескольких «маленьких, но достаточно несурзных происшествий»³⁴, легших в основу историй.

С другой же стороны, описанные в «балыктакском цикле» «интересные характеры и обстоятельства» рождены как раз специфическими условиями жизни дальневосточников. В этнокультурном вареве дальневосточного порубежья смешались разные ценностные и морально-этические ориентиры тех, кто по факту рождения, волею судьбы или в поисках лёгкого достатка оказался в этих землях в 70-е годы прошлого столетия и формировал тип представителя дальневосточного фронта эпохи 70–90 гг. Эти люди интересны ему каждый по-своему – в них воплотились самые разные этнопсихологические и этнокультурные установки, специфически проявляемые в суровых таёжных условиях.

Потому встреченный на пароме старичок, сбежавший из районной больницы и поразивший его своим задорным нравом и особым речевым портретом («*Я самовластно ушёл!*»), перевоплотится в деревенского Пинкертон – Бянкина.

Потому потешная Таня-«кутурук» из газетной миниатюры переключается в повесть «Пара лапчатых унтов» и будет помогать своей детской непосредственностью вкупе со свойственным эвенкам простодушием обрести нравственное равновесие уже другому «луче» – Пашке. Прописанные в газетных вариантах «балыктакских историй» персонажи не оставят его воображение, а получают развитие уже в книжных вариантах (Таня-кутурук, Захар и его жена, Фёдор Козлов, Гоша Малинов, Паш-

³³ Действительно, в Амурской области есть топонимический объект под названием Балыктах. Это «река, правый приток Олёкмы в среднем течении, Гындинский р-н. Длина её – 58 км. Название с якутского: балыктах – изобилующий рыбой, рыбное место, балык – рыба, тах – место» // Мельников А. В. Топонимический словарь Амурской области. – Благовещенск, 2009. Прототипами придуманного посёлка (со всем необходимым их обустройством, вплоть до специфических гостиниц-общежитий) стали вполне реальные посёлки золотодобытчиков Союзный и Верхнемайский // Лецик Вл. Г. Интервью А. А. Забияко. Июль 2011 г. Личный архив А. А. Забияко.

³⁴ Лецик В. Г. От автора // Лецик В. Г. Пара лапчатых унтов. Повести и рассказы (Предисловие В. Быкова). – Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1984. С. 6.

ка и др.). Лецик с любовью выписывает их речевые портреты, с характерным амурским говором, неправильностями (Сушков, Гоша Малинов, Таня) и особенностями фонетической системы (речь Захара и его жены).

Думаю, потому же, а отнюдь не случайно всплывёт в новелле «Божья роса» характерный для нашей фронтальной реальности эпизод, на который уже обращалось внимание, правда, с другой – морально-этической стороны³⁵. Мы же сфокусируем наш взгляд на этнорелигиозном и этнопсихологическом аспектах.

Одиозный герой этого рассказа, печально известный в Балыктае Сушков, замучил рыбаков своими выходками: он без разбору ворует всё то, что рыбаки прячут в своей коллективной избушке, зимовье эвенка Захара. «Попробуй-ка с таким фруктом разберись. Бить жалко – больной. Стыдить бесполезно – бесстыжий. Судиться с ним – самим стыдно. Бежать от него – и то некуда»³⁶.

Роль «народного судьи» берёт на себя отчаянный парень Фёдор Козлов. В очередной раз поймав старика-клептомана на попытке украсть наживку – банку жуков-короедов, он заставляет его съесть добычу «живьём»: «Всё-ё заглотишь! До последнего червя!»³⁷. И тут происходит невероятное: старик, освободившись от чужих рук, «осмотрел личинку, как леденец, и сунул в рот. Все, окаменев, услышали, как жирный короед цвиркнул на зубах. Следом Сушков съел второго»³⁸. Так рефрен повествования – «Что за человек?», на все лады варьируемый и на всех персонажей проецируемый, обнаруживает свою амбивалентную природу. Обычная «людская» мерка, которой жители посёлка меряют себя и своих односельчан, утрачивает свою применимость к этому старику из «другого измерения»:

³⁵ Литвиненко И. До и после дебюта. О первой книге амурского прозаика Владислава Лецика // Амурский комсомолец. 1984. № 69. 1 июня.

³⁶ Лецик В. Г. Божья роса // Лецик В. Г. Пара лапчатых унтов. Повести и рассказы (Предисловие В. Быкова). Указ. изд. С. 97.

³⁷ Там же. С. 118.

³⁸ Там же. С. 119.

« – А я едал! – выкрикнул Сушков. – В войну едал! <...>

– Вас бы тогда на лесозаготовки! – выл Сушков. – Да малолеткой бы вас туда, каким я-то был!.. *С нами бог и два китайца!*..

– Какие два китайца? – спросил Валентин Ильич <...>.

– А такие!.. Одни бабы да ребятишки лес валили. <...> А мужиков <...> только два китайца! Два маньчжура, понятно вам? Из-за Амура сбежали, от японцев! А бабы лес ворочают и говорят: "*С нами бог и два китайца!*" – и замолчал, осев грудью на стол, будто с воплем из него вышел воздух, как из лопнувшей камеры» [курсив мой. – А. З.]³⁹.

Одна лишь фраза, звучащая, как заклятие: «С нами бог и два китайца!» – переносит читателя в иное время и иное пространство суровых годов войны. Как следует из рассказа старика, выжить в голодное лихолетье помогли ему именно много-терпеливые китайцы («маньчжуры»)⁴⁰, в свою очередь, спасающиеся на советской стороне от жестокостей японских оккупантов: «Маньчжур найдёт короeda – и в рот. "Ево вку-усно, ево тоже мясо". Бабы плюются, и я хожу плююсь, а сам себе думаю: как же это можно червей исти? А голодный – пилу не тягаю, мать аж плачет: ну чё ты, Санечка? А маньчжуры ломают и ломают, весёлые, жилистые. Я тогда втихаря короeda – р-раз!» «С нами бог и два китайца» – это ли не формула выживания русского человека в дальневосточном регионе?

Оставим в стороне морально-психологические девиации персонажа, который после столь трагедийного признания на следующий же день вновь крадёт у односельчан заграничную и дефицитную снасть – «гдээровскую леску». Как говорит в пре-

³⁹ *Лецик Вл. Г.* Божья роса. Указ изд. С. 120.

⁴⁰ Как видно, старику абсолютно безразлична этническая принадлежность иноплеменников с «правого берега». Видимо, подобная этнокультурная индифферентность – характерная черта фронтальной ментальности дальневосточников. Об этом автор статьи уже писала в работе: *Забияко А. А.* «Ламоза лайла!» (проблема этнокультурной идентичности в осмыслении писателя-беженца // *Забияко А. А., Эфендиева Г. В.* Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 144–160.

дисловии сам писатель, «жизнь – не ходьба по одной половине...»

В свойственной ему каламбурной манере, отнюдь не морализаторствуя и не проповедничая, Владислав Григорьевич Лецик открывает, таким образом, своё направление этнографической прозы. *Художественная этнография* Вл. Г. Лецика – не только и не столько традиционное для этнографической прозы освоение жизни и обычаев коренных народов Дальнего Востока. Обрамляя этнографические заметки и наблюдения беллетризованной формой новеллы («Божья роса»), детектива («Дед Бянкин – частный сыщик»), повести («Пара лапчатых унтов»), писатель «играючи» запечатлевает сложнейшие этнокультурные и этносоциальные процессы дальневосточной фронтальной реальности, в которых на равных участвуют русские, украинцы, эвенки, якуты, китайцы. Не случайно в глубокую морально-этическую проблематику «балыктакской истории» Лецик мимоходом вписывает юмористический штрих опять-таки с этнокультурной «подкладкой». Не зная, как уберечь себя от вездесущего клептомана, балыктакские затейники вырезают и водружают в избушке Захара, где хранят снасти, фигурку безрукого и безногого божка с лицом «таким же кислым», как у Сушкова. Тем самым необычайно пугают простодушных Захара и его жену, вернувшихся домой. Утром следующего дня рыбаки просыпаются от странных звуков: оказывается, жена эвенка принесла жертву «скупому русскому идолу», намазав оленьей кровью его губы, и совершает молитву⁴¹.

Сегодня этот материал (чего, возможно, автор недооценивает) обладает непреходящим значением: самобытная эвенкийская культура уходит в прошлое. Забывается язык, забываются народные промыслы, почти не знают эвенки своего фольклора. Традиционный кочевой образ жизни превращается в анахронизм – эвенкийская молодёжь мечтает о «лёгкой» городской жизни. Современные эвенки отправляются в тернистый путь за собственной культурой. Опыт русского писателя – «лучи» Владислава Лецика в этом отношении таит ещё не одно открытие как

⁴¹ Лецик Вл. Г. Божья роса. Указ изд. С. 99–100.

для коренных народов Дальнего Востока, так и для всех, интересующихся обычаями и традициями собственного этноса. И, как ни странно, «беллетризованная этнография» Лецика востребована сегодня этнографией научной⁴².

⁴² Продолжение данного исследования: *Забияко А. А.* Художественная этнография В. Г. Лецика (на материале прозы 70-х гг.) // Традиционная культура Востока Азии. Сборник науч. трудов / Под ред. А. П. Забияко, Н. Н. Зайцева. Вып. 7. – Благовещенск, 2011 (*в печати*).